

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXVII-й.

АПРѢЛЬ.

1896 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Автобіографическая записка государственнаго секретаря Василия Романовича Марченко. 1782 — 1839. Гл. II. Сообщ. проф. В. А. Вильбасовъ.	3—20	IX. Изъ дипломатической переписки о Россіи XVIII вѣка. Гл. XII — XIII	115—159
II. Пребываніе Петра Великаго въ Австрійскихъ Индербандъ въ 1717 г.	21—29	X. Записки Михаила Чайковскаго. Гл. IX—X.	155—181
III. Письма А. С. Шишкова графу Д. И. Хвостову	33—34	XI. Незлобскій одноклассникъ П. М. Захарьинъ. Сообщ. Анд. Никольскій.	183—190
IV. Мелочи воспоминаній А. Статювича. На рублѣ двухъ эпох. (Изъ личныхъ воспоминаній). Гл. IX — XII. (Обоимъ) М. А. Несковскаго.	39—56	XII. Изъ бумагъ В. Г. Топалова. Сообщ. А. О. Шидловскій	191—212
VI. Гусевъ IV и вел. княгиня Александра Явловна. 1794 — 1796 гг. Гл. IV. Барона Н. В. Дрилова	57—78	XIII. Тридцать пятая годовщина дня освобожденія крестьянъ.	213—216
VII. Архимандритъ Петръ Ивановичъ, начальникъ деловой Россійско-Императорской канцеліи въ Польшѣ Гл. XII — XIII. Александръ Можаровскаго.	79—96	XIV. Записная книжка «Русской Старины»: Потребности Россіи, искавшея неизвѣстныхъ поэтовъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія (стр. 30). — Востокъ (31). — Письмо бурмистра своимъ почитателямъ. Сообщ. кн. А. Л. Голицына. (154). Статогорскіи. Долгорукаго «сура!», написанное по поводу Восточной войны 1853 — 1856 гг. кн. Дн. Долгорукаго (182).	97—108
VIII. Изъ воспоминаній о послѣднемъ офицерѣ арміи Наполеона I (въ портрету Н. А. Савона). К. Роговскаго	109—114	XV. Библиографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи	217—224
		XVI. Библиографическія листки (на оберткѣ)	

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ М. А. Савона. Грав. К. Айтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ надъ 1896 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стр. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по повѣдѣніямъ въ четвергахъ отъ 1 ч. до 3 часовъ дня.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайшаго утвержденія Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъкопечная. 39
1896.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1896

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1896.

АПРѢЛЬ.—МАЙ.—ІЮНЬ.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Вол. Подъяч., 39.
1896.

Графъ В. А. Перовскій въ Оренбургскомъ краѣ ¹⁾.

I.

Краткія біографическія свѣдѣнія о происхожденіи В. А. Перовскаго и его служебная дѣятельность до назначенія оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ.—Пріѣздъ его въ Оренбургъ и первыя заботы о краѣ.—Разказы о киргизахъ.—Возведеніе укрѣпленій.—Адамы и «шоски» въ ямнѣ.

Рѣчь уже извѣстно, что Перовскіе (Левъ, Борисъ, Василій) были побочными дѣтьми графа Алексѣя Разумовскаго, возведенные въ 1804 году въ дворянское достоинство ²⁾.

Василій Алексѣевичъ (младшій изъ братьевъ) до десяти лѣтъ находился при матери Аннѣ Михайловнѣ въ черниговскомъ пѣхотн. Почетѣ, потомъ отдалъ былъ въ Москву въ пансіонъ, а затѣмъ въ университетъ. Въ 1811 году онъ поступилъ на службу въ колонию-вожатые, какъ въ то время назывались офицеры генераль-

¹⁾ Хотя о жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка писалось и печаталось немало въ нашихъ и даже заграничныхъ повременныхъ изданіяхъ, тѣмъ не менѣе личность Василія Алексѣевича до сихъ поръ еще настолько не выяснена, что даже въ нѣкоторыхъ прежнихъ біографическихъ изслѣдованіяхъ и данныхъ о немъ, помимо значительныхъ пробѣловъ, встрѣчается масса хронологическихъ неточностей.

Я не могу, конечно, взять на себя столько смѣлости, чтобы составить полную біографію этого вѣдущаго администратора, не могу достаточно оцѣнить дѣятельность его, для чего понадобилось бы слишкомъ много всевозможнаго архивнаго и не-архивнаго матеріала, что не мыслимо сдѣлать провинціальному жителю. Я хочу только по вновь добытымъ свѣдѣніямъ изъ мѣстныхъ (оренбургскихъ) архивовъ, дополнить прежнія о немъ данныя и исправить встрѣчающіяся въ нихъ погрѣшности, и попытку привести и тѣ еще сохранившіеся о немъ (немногіе уже) разказы, которые, какъ преданія, передаются изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ отца къ сыну, отъ дѣдовъ—внукамъ. Разказы эти заставляютъ потомковъ провинціалъ тѣмъ же особеннымъ чувствомъ, какое питали сослуживцы и подчиненные, солдаты и простой народъ, видя въ немъ строгаго начальника, но, въѣсть съ тѣмъ, честнаго человѣка, справедливаго карателя и милостиваго, для котораго были всѣ равны, начиная отъ знатнаго барина и кончая сѣрымъ мужикомъ.

П. Ю.

²⁾ «Русская Старина», 1895, IV, 56.

наго штаба, и 18-ти лѣтъ участвовалъ въ бороднянскомъ сраженіи, гдѣ ему непріятельской пулей оторвало указательный палецъ на лѣвой рукѣ, вслѣдствіе чего онъ потомъ носилъ на немъ длинный серебряный наперстокъ.

Послѣ вступленія въ 1812 году французскихъ войскъ въ Москву, онъ былъ захваченъ въ плѣнъ и два года до февраля 1814 года томился въ неволѣ ¹⁾. По окончаніи войны Перовскаго зачислили въ генеральный штабъ и онъ нѣкоторое время состоялъ адъютантомъ графа П. В. Кутузова ²⁾, а потомъ великаго князя Николая Павловича, коего въ 1816—1817 годахъ сопровождалъ въ его путешествія по Россіи и въ чужихъ краяхъ ³⁾. Когда же, 17-го апрѣля 1818 года, въ стѣнахъ древняго московскаго Кремля, въ небольшомъ и скромномъ на видъ зданіи митрополита Платона при Чудовомъ монастырѣ, родился у великой княгини Александры Феодоровны и великаго князя Николая Павловича августѣйшій первенецъ—сынъ, нареченный во святомъ крещеніи Александромъ, то Перовскій былъ посланъ въ Петербургъ «для извѣщенія» императора Александра I-го о такомъ радостномъ событіи ⁴⁾.

• При вступленіи на престолъ императора Николая I, В. А. Перовскій былъ назначенъ флигель-адъютантомъ и, находясь при императорѣ, во время возмущенія 14 декабря 1825 года, былъ контуженъ огнѣномъ въ спину ⁵⁾.

Въ 1828 году, подѣ Варной Перовскій былъ раненъ въ лѣвую сторону груди и такъ сильно, что пулю пришлось вырѣзывать, что, вмѣстѣ съ прежней контузіей въ спину, очень замѣтно отразилось на его здоровьѣ, особенно—страданіями въ легкихъ. На лѣвомъ боку онъ постоянно носилъ фонтанель, а на ногахъ теплые чулки. Но несмотря на такое состояніе своего здоровья, В. А. былъ силы «непомѣрной» и свободно разгибалъ подковы.

Послѣ войны, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и въ 1833 году, будучи только 38-ми лѣтъ отъ роду, назначенъ оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и командующимъ отдѣльнымъ оренбургскимъ корпусомъ, на мѣсто, скоропостижно умершаго, 20-го марта того же года, генералъ-адъютанта графа Павла Петровича Сухтелена ⁶⁾.

¹⁾ Пребываніе его въ плѣну описано имъ самимъ въ «Запискахъ» (см. «Русск. Арх.» 1865, стр. 257).

²⁾ «Русск. Арх.» 1891, IV, 521.

³⁾ Тамъ же, 1877, II, 172.

⁴⁾ См. Высочайшій рескриптъ на имя Перовскаго отъ 26 августа 1856 года, который ниже приводится дословно.

⁵⁾ «Уральск. Листокъ», 1894, № 42.

⁶⁾ Гр. Сухтеленъ (род. 1768), одинъ изъ лучшихъ начальниковъ Оренбургскаго края (1830—1833) и образованѣйшихъ людей своего времени, по-

Постъ этотъ—начальника Оренбургскаго края, обширнѣйшаго и пограничнаго, въ то время, благодаря постояннымъ столкновеніямъ съ кочевниками, былъ самымъ ответственнымъ постомъ. Его занимали и десятки лѣтъ трудились надъ устройствомъ и организаціей этой окраины такіе столпы служебной іерархіи, какъ Ив. Ив. Неплюевъ, князь А. А. Путятинъ, И. В. Яковъ, баронъ О. А. Игельстромъ, Сергій Козьмичъ Вязьмитиновъ, князь Г. С. Роллѣксонскій и другіа болѣе или менѣе даровитыя личности, люди уже пожившіе, послужившіе и состарившіеся на поприщѣ государственной, боевой и административной дѣятельности. Оренбургъ въ первый разъ, со дня своего существованія, видѣлъ въ стѣнахъ своихъ такого молодого губернатора. Не было ничего подобнаго и послѣ.

Причину такого назначенія, конечно, надо искать не только въ сильномъ расположеніи къ Перовскому императора Николая Павловича, но также въ его умственномъ, научномъ и боевомъ развитіи. О немъ говорили, что онъ былъ «европейски образованный человекъ», такъ какъ, помимо университета, приобрѣлъ познанія и опытомъ. Онъ велъ дружбу съ Жуковскимъ, Карамзинскимъ, Пушкинымъ и другими лицами, такъ или иначе причастными къ литературѣ.

Несмотря на свой сравнительно небольшой чинъ, Перовскій былъ снабженъ громадными полномочіями, такъ что, когда, по прибытіи въ Оренбургъ, начальникъ 26-й пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенантъ Жемчужниковъ¹⁾, не захотѣлъ явиться къ нему, считая себя старшимъ, то былъ тотчасъ же уволенъ въ отставку, а Перовскій вскорѣ послѣ того произведенъ въ генераль-лейтенанты съ назначеніемъ генераль-адъютантомъ.

Первой заботой Василя Алексѣевича, по пріѣздѣ въ Оренбургъ, было полное знакомство съ краемъ, особенно же съ пограничной полосой его, гдѣ подданные наши киргизы, сейчасъ же за Ураломъ кочующіе, безнаказанно врываются въ наши границы, захватывают на линіи русскихъ людей, уводятъ въ свою безконечную, необозримую степь и продавали тамъ въ неволю въ Хиву или Бухару. И поймать хищниковъ не представлялось возможности, такъ какъ мы совсѣмъ еще

хоронили въ Оренбургѣ, въ оградѣ Петропавловской (военной) церкви. Памятникъ на его могилѣ сохранился и до сихъ поръ неповрежденный.

¹⁾ Г. Захарыинъ въ своей статьѣ „Зимній походъ въ Хиву 1889 года“ („Русск. Арх.“ 1891 г., IV, 521) увѣряетъ, что Жемчужниковъ командовалъ 28-й дивизіей; полковникъ же Гуляевъ („Уральск. Лист.“ 1894 г., № 42) доказывается, что—22-й. Между тѣмъ, стоило бы авторамъ заглянуть въ „Краткое описан. Оренбур. губ.“ Жуковскаго, Уфа, 1880 г., стр. 53, гдѣ бы они увидѣли, что дивизія эта еще въ 1820 году переименована въ 26-ю, и это подтверждается архивными данными.

не знали степи, а посылаемые за ними въ погоню казаки не могли углубляться далеко въ степь, ибо въ то время (съ 1816 г.) для охраненія границъ нашихъ существовалъ такой курьезный порядокъ.

На всемъ протяженіи границы нашей съ киргизской степью, по берегу р. Урала, были устроены такъ называемыя сѣны, — это воткнутое въ землю, въ сажениномъ другъ отъ друга разстояніи, аршинные талозые колышки, связанные между собой такими же перекинутыми чрезъ нихъ прутьями, изображая тѣмъ нечто въ родѣ нагороди или цѣпи ¹⁾. Наблюденіе за такою цѣпью, чтобы она была всегда въ исправности, лежало на обязанности сторожевыхъ пикетовъ кордонной стражи, т. е. казаковъ, которые, при малѣйшемъ обнаруженіи порчи ея, должны были давать знать о томъ другимъ постамъ и заставамъ. Тамъ, въ свою очередь, также были тревогу, вояки собирались, подѣлажили къ сдѣланному прорыву, и такъ какъ, по распоряженію бывшаго оренбургскаго военного губернатора, князя Волконскаго, преслѣдовать киргизовъ въ степи строго воспрещалось, во избѣжаніе новыхъ захватовъ ордынцами, то казаки задымляли только прорванную изгородь и разбѣжались по своимъ мѣстамъ.

Такимъ образомъ киргизамъ былъ данъ совершенно свободный доступъ внутрь страны, и они постоянно рыскали около границъ, часто среди бѣлаго дня значительными шайками прорывались сквозь талозую цѣпь, грабили имущество поселянъ, скотъ, лошадей и уводили плѣнныхъ. Одиночному жителю шагу нельзя было сдѣлать по степи, киргизы точно сторожили такихъ смѣльчаковъ. Выпустить безъ охраны корову или лошадь за околицу — Боже упаси, — сейчасъ спалуютъ и съ глазъ уведутъ. Поселяне выходили въ поле на работы не иначе, какъ вооруженными и большими партіями. Но и это мало помогало охраненію себя отъ киргизовъ, когда ихъ нападало десять на одного, и когда темная ночь убавкивала безмятежнымъ сномъ потрудившихся за день работниковъ.

Тяжелое было времячко. Много жертвъ невинныхъ погибло въ тяжеломъ плѣну.

Самымъ отчаяннымъ и безпокойнымъ народомъ изъ всѣхъ киргизскихъ родовъ, сильно грабившимъ наши границы въ то время, — были адаевцы, занимавшіе юго-восточную полосу Каспійскаго побережья, начиная отъ устьевъ р. Эмбы до иранскихъ и персидскихъ предѣловъ.

Благодаря своей отдаленности и малодоступности, они дольше всѣхъ оставались внѣ нашего вліянія и упорно (до 1870 года) отстаивали свою независимость, будучи скорѣе склонны къ единоовѣрной имъ Хивѣ, чѣмъ къ Россіи, и когда другіе киргизскіе роды, вслѣдствіе постоян-

¹⁾ «Памятн. книжка Оренбур. губ. 1893 г.», II, 39.

ныхъ сношеній съ пограничными властями, усвоили нѣкоторую степень гражданственности, адаевцы оставались по-прежнему грубыми дикарями.

Графъ Перовскій прежде всего обращалъ на нихъ вниманіе и вскорѣ, по пріѣздѣ своемъ въ Оренбургскій край, для обузданія ихъ хищническихъ набѣговъ, сдѣлалъ распоряженіе о постройкѣ въ сосѣдствѣ съ ними, на восточномъ берегу залива Койдакъ ¹⁾, укрѣпленія, которое уже осенью слѣдующаго 1834 года было окончено ²⁾ и названо Ново-Александровскимъ.

Къ несчастію, выборъ мѣста подъ это укрѣпленіе былъ сдѣланъ очень неудачно. Водой приходилось пользоваться изъ колодезь, но она имѣла горько-соленый вкусъ, усиливавшійся по мѣрѣ скопленія ея; берега залива до того были низменны, что нерѣдко заливались морскими волнами, оставлявшими послѣ себя травы и рыбу, которыя, разлагаясь отъ зноя, сильно заражали зловоніемъ воздухъ, почему въ укрѣпленіи постоянно свирѣпствовали всевозможныя болѣзни, уменьшавшія и безъ того незначительный гарнизонъ, всего 500 человекъ, которыхъ приходилось перемѣнять черезъ каждые шесть мѣсяцевъ. Только въ послѣдствіи (въ 1846 г.), когда укрѣпленіе это было перенесено на Магмышлакскій полуостровъ къ Тюкь-Карагайскому заливу съ переименованіемъ въ Ново-Петровское ³⁾, гдѣ оно находится и по сію пору, болѣзни значительно уменьшались.

Помимо того, для поддержанія съ этимъ укрѣпленіемъ сообщенія, между нимъ и конечнымъ пунктомъ Оренбургскаго края на югѣ, Гурьевымъ городкомъ, по морскому берегу было устроено еще нѣсколько промежуточныхъ пунктовъ.

Въ слѣдующемъ же, 1835 году, по высочайше утвержденному 5-го марта положенію бывшаго азіатскаго комитета, въ видахъ упроченія русскаго населенія въ Киргизской степи, на долю Перовскаго выпало проведеніе новой линіи, начинавшейся отъ Орской крѣпости, по прямому направленію степью, къ сѣверо-востоку на рѣку Уй, и оканчивавшейся редутомъ Верезовскимъ. На этомъ пространствѣ въ томъ же году выросли укрѣпленія: Наслѣдницкое, Константиновское, Николаевское и Михайловское, съ редутами между ними для помѣщенія въ нихъ кордонной стражи изъ оренбургскихъ казаковъ и башкировъ. Между же редутами въ разстояніи отъ 5 до 10 верстъ, были устроены еще пикеты, по 10

¹⁾ Иначе онъ еще назывался Мертвый Кутукъ и заливъ Цесаревича.

²⁾ Объ устройствѣ укрѣпленія этого еще въ 1803 году просилъ владѣтель Магмышлакскихъ туркменъ Пиръ-Гали-ханъ, для огражденія его отъ разбойническихъ набѣговъ киргизовъ. (См. нашу ст. „Адаевскій бунтъ въ 1870 г.“ — „Русская Старина“, 1894 г. VII, 136).

³⁾ Въ шестидесятыхъ годахъ укрѣпленіе было переименовано въ фортъ Александровскій, съ какимъ названіемъ существуетъ и по сію пору.

и 15 казаковъ въ каждомъ, гдѣ для наблюденія за непріятелемъ. какъ у черноморскихъ казаковъ, существовали «Маяки», особые на четырехъ столбахъ устроенные помосты съ длиннымъ шестомъ, обвитымъ соломой, который зажигался тогда, когда угрожала опасность.

Но какъ нарочно, какъ бы на зло новому энергичному начальнику края, послѣ возведенія этихъ укрѣпленій, киргизы еще болѣе усилили свои набѣги. Весной 1836 года адаевцами былъ захваченъ смотритель Эмбенскихъ водъ (на р. Эмбѣ). Лѣтомъ же, около рѣки Иргиза киргизы ограбили купеческій караванъ, слѣдовавшій изъ Оренбурга, и захватили въ плѣнъ двухъ русскихъ приказчиковъ. А осенью на Каспійскомъ морѣ попалъ съ плѣнъ командиръ четырехъ-пушечнаго бота со всей командой, съ орудіями и съ судномъ.

Тогда, для наказанія грабителей, былъ посланъ въ степь, подъ начальствомъ генералъ-маіора Дренякина, отрядъ изъ 1.000 человекъ башкировъ при двухъ орудіяхъ и 30 стрѣлковъ, посаженныхъ на коней. Имѣя съ собой 35-ти дневный запасъ на 536 вьючныхъ лошадей, отрядъ, 4-го іюля, выступилъ изъ Орска и въ теченіе 20-ти дней не только достигъ хищниковъ въ 500 верстахъ отъ линіи за рѣкой Эмбѣй, но захватилъ всѣхъ главныхъ виновниковъ грабежа, множество скота, коимъ покрывалъ потомъ всѣ издержки этого похода, и возвратился на линію, потерявъ лишь одного башкирца.

Потомъ три сотни уральцевъ, во главѣ съ войсковымъ старшиной Осиповымъ, разбили въ пескахъ Тайсуйганъ, близъ крѣпости Кулагиной, скопище адаевцевъ, намѣревавшихся напасть на фортъ Ново-Александровскій. Но самымъ лучшимъ дѣйствіемъ противъ этихъ киргизовъ былъ набѣгъ 550 уральскихъ казаковъ полковника Мансурова зимой 1836 года къ полуострову Бузачи.

Отрядъ этотъ выступилъ изъ Гурьева-городка 20-го декабря и на саняхъ, моремъ, по льду, направился къ укрѣпленію Ново-Александровскому, сдѣлавъ въ четверо сутокъ до 200 верстъ самаго труднаго пути до Прорвинскаго поста, служившаго связью укрѣпленію съ линіей, какъ вдругъ подулъ сильный вѣтеръ, ледъ сталъ трептаться, и въ результатъ полторы сотни казаковъ очутились оторванными и увесенными въ открытое море. Уральцы, однако, «не оробѣли», попыткали по краямъ льдинъ свои пшки, арканами связали изъ нихъ мостъ до береговаго стоячаго льда и такимъ образомъ благополучно достигли суши, потерявъ всего двухъ лошадей.

2-го января казаки эти просоединились къ отряду въ укрѣпленіи, и оттуда уже на другой день, раздѣлившись на двѣ части, выступили въ поискъ за адаевцами, которые, слышавъ о приближеніи русскихъ войскъ, хотя скрылись въ Усть-Уртской пустынѣ, но съ пожитками, домашнимъ скарбомъ и скотомъ далеко уйти не могли. Въ какихъ-нибудь

десять дней казаки настигли ихъ, захватили 53 человѣка въ плѣнъ, нѣсколько лошадей и столько скота, что продажей его покрылись всѣ расходы на снаряженіе отряда. 24-го января уральцы вернулись въ укрѣпленіе, сдѣлавъ такимъ образомъ въ 21 день по безлюдной степи, да еще зимою при 25° холода, болѣе 1.000 верстъ пути, почти безъ всякой потери, если не считать 2-хъ умершихъ и нѣсколькихъ чело-вѣкъ легко раненныхъ въ снѣгахъ.

Эти, благодаря умѣлымъ распоряженіямъ Перовскаго, блистательно данные киргизамъ уроки заставляли ихъ временно смириться. 1837-й годъ весь прошелъ спокойно, и не было грабежей по линіи, но въ 1838 году киргизы Средней орды начали снова понемногу «пошализать». Въ киргизской степи явились три главныхъ возмутителя: султанъ Канійъ Галіевъ и батыры Джуламанъ и Исетай (послѣдній былъ родомъ изъ внутренней Вукеевской орды). Собравъ каждый отдѣльно мятежныя шайки изъ недовольныхъ киргизскихъ родовъ Малой и Средней орды, они стали грабить проходившіе русскіе караваны, врывались на линію и дѣлали захваты даже у мирныхъ киргизовъ.

Для обузданія мятежниковъ и прикрытія кордонной линіи, В. А. вновь распорядился послать въ степь войска, которыя и выступили въ іюні того же года тремя отдѣльными отрядами: первый, подъ начальствомъ полковника Геке, изъ 450 уральскихъ и оренбургскихъ казаковъ и 50-ти стрѣлковъ, посаженныхъ на коней, съ двумя орудіями; второй—подполковника Падурова—изъ 500 башкировъ, также 50-ти стрѣлковъ и двухъ орудій, и третій—полковника Мансурова—700 оренбургскихъ казаковъ и башкировъ съ пятью орудіями.

Первый отрядъ полковника Геке, соединившись съ султаномъ—правителемъ западной части Малой орды, неожиданнымъ нападеніемъ на шайку Исетаа, въ которой было до 2.000 человѣкъ, разбилъ ея голову и обратилъ въ бѣгство. Исетай былъ убитъ въ схваткѣ, и шайка, послѣ того, лишившись предводителя, не могла возобновлять своихъ дѣйствій и разсыпалась по ауламъ. Потомъ Геке до рѣки Эмбы преслѣдовалъ шайку Джуламана, но не могъ поймать его и вернулся на линію, гдѣ Падуровъ, оставаясь на мѣстѣ, прикрывалъ среднюю часть ея, какъ болѣе открытую въ сторонѣ степи. Въ то же время полковникъ Мансуровъ въ соединеніи съ султаномъ—правителемъ средней части орды достигъ вершины рѣки Иргиза и, окруживъ аулы волновавшагося Дюрткаринскаго рода, предводительствуемаго султаномъ Канпомъ, нанесъ имъ рѣшительный ударъ. Мятежники принесли повинную, а самъ руководитель волненія бѣжалъ въ Хиву.

Однако этимъ не кончилась волненія въ степи. Еще съ 1836 года тамъ бунтовалъ извѣстный мятежникъ султанъ Кенисара Касимовъ, чередуя свои набѣги то на Оренбургскихъ, то Сибирскихъ линіяхъ. Но

мы не описываемъ его дѣйствій здѣсь потому, что они прекратились уже послѣ Перовскаго въ 1845 году, когда онъ, послѣ возведенія генераломъ Обручевымъ новыхъ укрѣпленій въ центрѣ степи, принужденъ былъ также бѣжать въ хавинцамъ, а отчасти и потому, что мятежъ Кенисары уже описанъ подробно г. Середой въ «Вѣстникѣ Европы» за 1870 годъ.

II.

Хива, какъ виновница всѣхъ нашихъ неустройствъ въ степи. — Ея интриги. — Рынокъ сбыта невольниковъ. — Жизнь плѣнныхъ въ Хивѣ и жестокости хивинцевъ. — Попытка къ возврату плѣнниковъ до Перовскаго. — Его распоряженіе по этому поводу. — Освобожденіе Хивой русскихъ. — Письмо Алла Кула. — Мысль о походѣ въ Хиву.

Куда ни посмотришь, всюду, при нашихъ начинаніяхъ въ степи, почти во всѣхъ дѣлахъ, намъ препятствовала и натравлила на насъ киргизовъ — Хива. Она была главной виновницей всѣхъ нашихъ неурядицъ въ степи, она была покровительницей грабежей киргизскихъ шаекъ и защитницей ихъ отъ кары русскаго правосудія. Въ Хивѣ былъ главный рынокъ невольничества, куда киргизы сбывали плѣнниковъ. Хива распоряжалась ордынами, какъ своими подданными, облагая ихъ податями и собирая съ нихъ закаты¹⁾. По рѣкѣ Хобдѣ часто появлялись хивинскіе сборщики податей, которые уговаривали народъ не платить русскимъ кабиточный сборъ, а отдавать его хивинскому хану. Особенно много этихъ сборщиковъ появилось въ ордѣ за послѣднее время, такъ что для усмиренія кочевниковъ въ 1836 году пришлось послать въ степь двухсотенный отрядъ оренбургскихъ казаковъ подъ начальствомъ Падурова. Наконецъ, хивинцы самовольно, безъ всякихъ обоюдныхъ договоровъ, требовали, чтобы всѣ наши торговые караваны, направляющіеся въ Среднюю Азію, куда бы ни шли, непременно проходили бы, хотя окольнымъ и неудобнымъ путемъ, но черезъ ихъ владѣнія, дабы взимать съ нихъ пошлину, доведенную ими до крайности. Въ 1833 году дерзость ихъ дошла до того, что въ Оренбургъ былъ присланъ хивинскій закятчикъ²⁾ для объявленія русскимъ и бухарскимъ купцамъ, что, если ихъ караваны не пойдутъ черезъ Хиву, то будутъ неминуемо ограблены. Между тѣмъ сами хивинцы невозбранно торговали въ Россіи, и ихъ караваны ежегодно приходили и уходили съ Оренбургской линіи безъ всякаго притѣсненія.

¹⁾ Пошлина, денежная повинность.

²⁾ Сборщикъ податей.

Но всего обиднѣе было для каждаго русскаго человѣка то, что эта незначительная страна держала въ заточеніи и неволѣ около 2-хъ тысячъ нашихъ отцовъ и матерей, сестеръ и братьевъ¹⁾, и мы ничего немогли сдѣлать, чтобы возвратить этихъ плѣнниковъ, которые открыто продавались въ Хивѣ, на базарѣ. Самъ ханъ и его знатные сановники не брезгали покупать, держать у себя и пролавать рабовъ и наживаться на ихъ счетъ, такъ какъ цѣны на русскіхъ плѣнныхъ стояли громадныя. За одного русскаго невольника среднихъ лѣтъ, способнаго въ работѣ, платили до 300 рублей, тогда какъ плѣнные персіане ходили за полцѣны.

Несчастные вичили тамъ самое жалкое существованіе. Ихъ день и ночь, полураздѣтыми, чуть не голодными, морили на работѣ, истязали, мучили. При малѣйшей провинности били нещадно. За побѣгъ же, въ первый разъ, отрѣзывали уши и носъ, а чтобы плѣнникъ не убѣжалъ вновь, подрѣзывали ему подошвы ногъ и насыпали туда мелко нарубленнаго конскаго волоса, отчего, при нестерпимой боли, трудно было становиться на ступню. При вторичной же попыткѣ къ бѣгству, виновныхъ сажали на колъ или живыми зарывали въ землю. Въ дѣлахъ архивныхъ объ одномъ подобномъ случаѣ вотъ какъ рассказывается.

Жилъ въ полуку у хивинскаго диванъ-беги²⁾ Бекніязъ крестьянинъ Астраханской губерніи Егоръ Щукинъ³⁾. Человѣкъ онъ былъ со смелкакой, честный и добросовѣстный, притомъ зналъ грамоту. Бекніязъ, замѣтя въ немъ эти достоинства, полюбилъ его и, съ позволенія хана, далъ ему въ тамошнемъ караванъ-сарай доходное мѣсто надсмотрщика, исполнѣ въ него вѣрившись. И Щукинъ дѣйствительно, хотя сильно наживался, не былъ истинно преданъ своему хозяину. Хивинцамъ, конечно, не нравилось такое отношеніе диванъ-беги къ вѣчестивому урусу, и правовѣрные рѣшили погубить его.

Когда въ 1836 году въ Оренбургъ отправлялись изъ Хивы купеческіе караваны. Щукинъ съ однимъ изъ караванъ-башей⁴⁾ отправилъ къ своимъ роднымъ письмо. Но надо же было случиться такъ, что начальникъ Оренбургскаго края генералъ-адъютантъ Перовскій, желая во что бы то ни стало повудить Хиву къ возврату русскіхъ плѣнниковъ, приказалъ задержать этихъ хивинцевъ. Тѣ написали объ этомъ хану и жаловались въ письмѣ, что Щукинъ, подавъ-де на имя русскаго государя прошеніе, гдѣ, описавъ тягостное положеніе плѣнниковъ, просилъ о вы-

¹⁾ Г. Захарьинъ въ своей статьѣ («Русск. Арх.» 1894, IV, 522) показываеъ только 500 плѣнныхъ русскіхъ въ Хивѣ, что очень мало.

²⁾ Первый министръ.

³⁾ Настоящій рассказъ взятъ изъ показанія крестьянина Бушуева, бывшаго въ хивинскомъ плѣну и воротившагося потомъ на родину въ числѣ прочихъ плѣнныхъ въ 1839 году (см. Дѣло Оренбургск. центр. арх., № 625)

⁴⁾ Начальникъ каравана.

ручекъ изъ хивинскаго плѣна какъ себя, такъ и другихъ русскихъ, и по тому-де его прошенію и было сдѣлано распоряженіе о задержаніи хивинскихъ торговцевъ въ Оренбургѣ.

Получивъ такую грустную вѣсть, Алла-Куль призывалъ Щукина къ себѣ и допрашивалъ его. Но плѣнникъ, будучи совершенно неповиненъ въ возводимомъ на него обвиненіи, не признался хану и рассказалъ какъ было дѣло, т. е. что только къ женѣ и роднымъ онъ писалъ письма. Ханъ, казалось, повѣрилъ этому и отпустилъ его. Но черезъ нѣсколько дней, по распоряженію диванъ беги, его отправили въ городъ Ургенчъ къ тамошнему беку Ишніязу Маметъ-хизову. — Это «было въ третье воскресенье послѣ Пасхи» 1838 года. Ишніязъ продержалъ Щукина у себя еще три дня: понедѣльникъ, вторникъ и среду, а въ четвергъ рано утромъ, въ сопровожденіи четырехъ хивинцевъ, вывезъ его за городъ и приказалъ рыть яму. Щукинъ исполнилъ это приказаніе.

— Ну, теперь молись и ложись въ нее, — сказалъ тогда ему Ишніязъ, — тебя приказано зарыть живымъ — такова воля хана.

Щукинъ Богу помолился, но лечь въ яму отказался, такъ какъ не чувствовалъ за собой никакой вины.

Видя такое упорство, Ишніязъ разсвирѣпѣлъ и, выхвативъ изъ ноженъ свою кривую саблю, сталъ бить Щукина по шеѣ. Двое другихъ хивинцевъ накинули на него веревку и потащили къ ямѣ. Несчастный долго отбивался, но, наконецъ, обезсиленный, былъ сташенъ въ яму и живо закиданъ землей.

Такъ гибли въ неволѣ наши братья, и мы ничѣмъ не могли помочь имъ. Всѣ средства для возвращенія изъ Хивы плѣнныхъ русскихъ заключались лишь въ томъ, что правительство ежегодно отпускало въ распоряженіе Оренбургской пограничной комиссіи около 3.000 руб. золотомъ, и на деньги эти начальство, время отъ времени, или черезъ своихъ особыхъ курьеровъ, или при посредничествѣ туземныхъ купцовъ, выкупало нѣсколько человекъ изъ неволѣ. В. А. Перовскій первый нашелъ и этотъ расходъ совершенно непродуманнымъ и, сообразивши съ обстоятельствами дѣла, рѣшилъ держаться съ азіатами точно такой же политики, какой они держались по отношенію къ намъ, т. е. захватами и силой. Когда въ 1836 году на пограничную линію нашу вышло изъ Хивы до 500 купеческихъ каравановъ съ азіатскими товарами на сумму свыше 1½, милліоновъ рублей, В. А. тотчасъ же приказалъ задержать ихъ и до тѣхъ поръ не выпускать изъ границъ Россіи, пока хивинскій ханъ не освободитъ русскихъ плѣнныхъ. Хивянци не ожидали такого распоряженія, и въ силу необходимости, получивъ такой суровый ультиматумъ, Алла-Куль поспѣшилъ исполнить требованіе русскаго правительства. Въ слѣдующемъ же 1837 году, въ первый разъ со

дня существованія Хоарезма (такъ по-хивински называется городъ Хива), 25 человекъ русскихъ плѣнниковъ были освобождены.

Плѣнника прибыли въ Оренбургъ 18-го ноября съ бухарскимъ караваномъ, къ которому примкнули по пути. Навстрѣчу имъ за Мѣновой дворъ, въ 2—3 верстахъ отъ Оренбурга, вышелъ почти весь городъ. Духовенство встрѣтило ихъ съ крестами, хоругвами и евангелиемъ, окропиво возвращенныхъ православной пастырѣ, несчастныхъ сыновъ св. водой и отслужило благодарственный Господу Богу молебенъ.

— Нельзя было безъ слезъ и умиленія смотрѣть на эту праздничную толпу, — говоритъ очевидецъ, — съ лицами, выражавшими любовь къ своимъ братьямъ и чувство братскаго участія. Глядя на крестъ и аналой и горящія предъ нимъ среди обширной необъятной степи свѣчи, на земляковъ нашихъ въ азиатской одеждѣ, коленопреклоненныхъ предъ крестомъ, — нельзя было не пожалѣть, что не было здѣсь художника, который могъ бы передать потомству этихъ рыдающихъ предъ св. Евангелиемъ выходцевъ съ того свѣта, эту несмѣтную толпу съ лицами, на коихъ выражалось участіе и радость, любовь и состраданіе. Все это мы видѣли, но видѣли во свѣтъ, въ минутной живописи картин¹⁾.

Въ числѣ плѣнниковъ былъ одинъ старикъ, который не молился передъ Распятіемъ 55 лѣтъ, потому что 55 лѣтъ былъ въ неволѣ... Слишкомъ поздно прошло, и вотъ первая горячая молитва была за дара и за родину святую, которую еще разъ пришлось видѣть ему. Возможно ли послѣ того описать радость какъ этого почтеннаго старца, такъ и остальныхъ несчастныхъ братьевъ нашихъ? Они смѣялись и плакали въ одно и то же время.

Тутъ же подъ открытымъ небомъ, въ особо устроенной кибиткѣ, послѣ молебствія, купечество угостило прибывшихъ земляковъ своихъ обѣдомъ, къ которому трехъ халыхъ старцевъ привесли на рукахъ. Одинъ изъ нихъ, впрочемъ, могъ еще ходить на своихъ ногахъ, подпираясь клюкой, хотя ему было 120 лѣтъ.

Такимъ образомъ хивинское правительство выслало намъ тѣхъ плѣнниковъ, которые и имъ были не нужны, — все люди старые, не менѣе 30—40 лѣтъ прожившіе въ плѣну, и настолько дряхлые отъ тяжести лѣтъ и отъ чрезмѣрныхъ работъ въ продолженіе долгихъ годовъ неволи, что, конечно, не могли принести никакой пользы своимъ хозяевамъ. Хива, надо думать, не только бы по принужденію, но добровольно и съ радостью отпустила ихъ, чтобы избавиться отъ лишней обузы, въ надеждѣ, однако, умиловитъ тѣмъ требовательнаго начальника Оренбургскаго края, — не освободить ли онъ, послѣ такой посылки, ихъ

¹⁾ См. въ дѣлѣ № 625, стр. 138, — записку правителя канцеляріи оренбургскаго военнаго губернатора Гибзова.

торговцевъ. Но В. А. былъ не изъ такихъ, чтобы легко поддаться на удочку и слишкомъ твердъ въ своихъ стремленіяхъ. За присланныхъ плѣнныхъ онъ освободилъ только пятерыхъ хивинскихъ купцовъ, а остальные по-прежнему остались на линіи. Видя, что дѣло плохо, что Перовскій не шутитъ съ ними, хивинцы въ слѣдующемъ году прислали еще пять плѣнниковъ, а въ 1839 году—разомъ 80 человекъ.

Послѣдніе плѣнные прибыли въ Оренбургъ 16-го августа и также были встрѣчены горожанами съ почестью и радушіемъ. Самъ начальникъ края угостилъ ихъ обѣдомъ у себя въ саду. Это было 22-го августа, въ день священнаго коронованія нѣхъ императорскихъ величествъ. Обѣдъ давался въ той самой колоннадѣ, которая была построена сначала за Мѣновымъ дворомъ въ степи для праздника, даннаго въ честь пріѣзда въ Оренбургъ наслѣдника цесаревича Александра Николаевича въ іюлѣ 1837 года, и впоследствии перенесена въ губернаторскій садъ ¹⁾. Передъ обѣдомъ соборный протоіерей о. Стефанъ сказалъ нѣсколько простыхъ, но душевныхъ словъ, прочелъ молитву, а плѣнники сѣли за столъ, въ первый разъ, послѣ рабства, перекрестившись на русской землѣ; когда же имъ налили по стакану вина, они встали и, при звукахъ «Боже, царя храни», со слезами радости на глазахъ, громко крикнули «ура!» и выпили за здравіе царя и всего царствующаго дома.

Во время обѣда весь генералитетъ, офицеры и множество жителей ходили между рядами дорогихъ гостей и разспрашивали то одного, то другаго о ихъ житіи-бытіи въ плѣну. Отъ избытка чувствъ, многіе изъ нихъ плакали навзрыдъ, молясь вслухъ за здравіе обожаемаго монарха. Они забыли о недавно пережитыхъ невзгодахъ и тяжелыхъ дняхъ и жили только настоящимъ, безъ злобы и ненависти рассказывая своимъ братьямъ о лютыхъ тиранствахъ въ плѣну, прощая обиды врагамъ.

— Знать такъ на роду намъ написано,—заключала она свою грустную повѣсть.—Согрѣшили мы передъ Создателемъ!..

Послѣ обѣда плѣнники были хорошо одарены присутствующими. Одно мѣстное купечество роздало по три рубля серебромъ на каждаго. Потомъ они были надѣлены всѣмъ необходимымъ на дорогу и отправлены въ мѣста ихъ жительства.

До Оренбурга плѣнниковъ провожали двое хивинскихъ посланцевъ Севтъ-Меметъ-ніязовъ и Ижбай Бабаевъ, которые, въ особо устроенномъ ящикѣ, привезли съ собой запечатанное письмо на имя государя, въ которомъ Адамъ-Куль въ самыхъ утонченныхъ азіатскихъ выраженіяхъ, дѣлая намекъ на строгое распоряженіе нашего начальства, просилъ объ освобожденіи хивинскихъ купцовъ, ибо-де «освобожденіе ихъ зависѣло отъ высылки русскихъ плѣнниковъ, а оные уже нѣсколько разъ были отсылаемы въ Россію».

¹⁾ Теперь архіерейскій садъ.

Исполняя желаніе хана, В. А. переслалъ это письмо (въ переводѣ и подлинникѣ) министру иностранныхъ дѣлъ графу К. В. Нессельроде, написавъ ему я отъ себя нѣсколько строкъ, что «содержаніе письма ханскаго по обыкновенію ничтожно и заключается въ одномъ только напыщенномъ пустословіи. Замѣчательно въ письмѣ этомъ только одно: собственное признаніе хана Алла-Кула, что онъ получаетъ отъ хищниковъ морскихъ свою условленную долю. Признаніе это сдѣлано, безъ сомнѣнія, только по глупости, потому что въ немъ не было никакой надобности; но тѣмъ не менѣе оно довольно важно. По всему видно, что отряды, выдвинутые нымѣ довольно далеко въ степь, возбуждали опасеніе хана ¹⁾, и что онъ снова пытается кончить дѣло присылкою 80 человекъ, какъ прежде думалъ отдѣлаться присылкою 25-ти».

При такихъ обстоятельствахъ, объяснивъ присланнымъ съ письмомъ хивинцамъ, что они, на основаніи прежнихъ объявленій, не могутъ быть признаны ханскими послами, В. А. далъ имъ еще «письменное объявленіе, не относящееся ни къ какому лицу, гдѣ въ общихъ чертахъ повторено все то, что было говорено хивинскому хану уже столько разъ прежде».

Между тѣмъ возвратившіеся плѣнники единогласно увѣряли, что одинъ изъ этихъ, такъ называемыхъ, «посланцевъ», въ самый день выхода изъ Хивы, приобрѣлъ отъ хищниковъ нѣсколько человекъ русскихъ и оставилъ ихъ у себя для работы. Въ виду этого Перовскій задержалъ и этого посла, а другаго «съ объявленіемъ» отпустилъ обратно.

Безстыдство и дерзость хивинцевъ были тѣмъ болѣе удивительны, что, въ теченіе 1839 года, послѣ двухъ лѣтъ спокойствія въ степи, они захватили, по крайней мѣрѣ, вдвое больше промышленниковъ съ Каспійскаго моря, чѣмъ выслали плѣнниковъ, изъ коихъ 37 человекъ были взяты въ плѣнъ въ томъ же году, и лишь 43 чел. въ прежніе годы.

Вотъ эта-то дерзость хивинцевъ и была той «сильно повліявшей на пылаго В. А. причиной», что онъ теперь настойчивѣе сталъ хлопотать о походѣ въ Хиву, о чемъ мечталъ и хлопоталъ раньше, — а не тотъ сомнительный рассказъ, записанный г. Захарьинимъ ²⁾, о похищеніи какой-то вдовы казачьяго офицера киргизами въ 1825 году (?) «какъ разъ наканунѣ пріѣзда въ Оренбургъ Александра I, когда она, за неимѣніемъ помѣщенія въ городѣ расположилась на ночлегъ «на этомъ (значить, правомъ) берегу Урала, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находится въ настоящее время архіерейскій садъ», и что государь былъ глубоко огорченъ этимъ, приказавъ взять дѣтей (почему-то незахваченныхъ кир-

¹⁾ Изъ показанія же крестьянина Вушова (дѣло № 285, лист. 70) видно, что до отправки 80 человекъ плѣнныхъ изъ Хивы «слуховъ о выступленіи съ Оренбургской линіи войскъ еще не было».

²⁾ «Русск. Арх.» 1891, IV, 522.

гизами) на особое попеченіе, а вдову во что бы то ни стало выкупить отъ хивинцевъ.

Пользуясь случаемъ, смѣемъ завѣрить автора «Хивинскаго похода», что это не вѣрно, во-первыхъ, потому, что императоръ Александръ Павловичъ посѣтилъ Оренбургъ въ сентябрѣ 1824 года ¹⁾, а во вторыхъ, что нынѣшній архіерейскій (бывшій губернаторскій) садъ отстоялъ отъ «берега» Урала по меньшей мѣрѣ версты на двѣ, и подобное похищеніе не могло состояться еще и потому, что, во время пребыванія здѣсь его величества, начальника края, генералъ-адъютантъ Эссенъ, жилъ окруженный постояннымъ карауломъ въ загородномъ домѣ, именно, «какъ разъ на мѣстѣ архіерейскаго сада», уступивъ свою квартиру на Николаевской улицѣ подъ временное пребываніе императора и его свиты. Къ тому же къ пріѣзду царя, въ Оренбургъ и окрестности хъ было сосредоточено до 5 тысячъ войска, преимущественно конницы, которая на это время располагалась бивуакомъ между Оренбургомъ и Маячной горой, всего въ какихъ-нибудь 100—200 шагахъ отъ архіерейскаго сада, и войска эти, помимо кордонной стражи, держали кругомъ города, въ теченіе этого времени, день и ночь усиленные разѣзды. Такимъ образомъ, трудно повѣрить, чтобы въ описываемое время могъ случиться приведенный г. Захарьинимъ случай. Можетъ быть что-либо подобное и было когда-нибудь, но только не въ этотъ разъ, и поэтому случай этотъ, происшедшій къ тому же за 12 лѣтъ ранѣе, не могъ нисколько повліять на энергію и настойчивое ходатайство Перовскаго о походѣ въ Хиву.

III.

Нѣкоторыя причины неудачи первыхъ замысловъ Перовскаго о походѣ.— Баронесса Р.—. Жизнь ея въ Оренбургѣ.—Сынъ Алексѣй.—Ссора нѣтъ-за него и жалоба государю.—Побѣда Перовскаго въ Петербургѣ.—Царскій судъ.—Послѣдствія его, какъ причина неженитбы В. А.—ча.— Судьба сына.— Возвращеніе въ Оренбургъ.—Верхомъ отъ стан. Татищевой до города.— Карета Перовскаго съ лакеемъ.—Встрѣча ея оренбургскими властями.— Оригинальная покупка лошадей.

Еще въ 1833—34 гг. Перовскій думалъ о хивинскомъ походѣ, но на первыхъ порахъ ходатайство его не увѣчалось желаемымъ успѣхомъ, отчасти вслѣдствіе того, что какъ въ военныхъ, такъ и придворныхъ сферахъ не сочувствовали его идее: указывали на трудность перехода

¹⁾ См. нашу ст. «Императоръ Александръ I въ Оренбургскомъ краѣ» («Истор. Вѣст.» 1891, IX, 709—719).

по безводнымъ степямъ, вспоминали трагическую участь отряда князя Бековича-Черкаскаго, но особенно выставляли на видъ большія денежныя затраты, которыя врядъ-ли могли тѣмъ-либо окупиться; отчасти же вслѣдствіе одного очень щекотливаго дѣла интимнаго свойства, которое, кажется, всего больше повліяло на интриги враговъ Перовскаго. конѣ было у него много.

Какъ извѣстно, В. А. не былъ женатъ, а между тѣмъ имѣлъ сына. Это произошло слѣдующимъ образомъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда своего въ Оренбургъ, В. А. поселился въ домѣ мурзы полковника Тимашева ¹⁾. Черезъ мѣсяцъ, а можетъ быть и больше, вдругъ, неожиданно, нежданно для его приближенныхъ въ Оренбургъ пріѣхала молодая, красивая и богатая особа и остановилась прямо у В. А — ча. Кто такая была она, долгое время объ этомъ никто не зналъ, всѣ думали, или сестра, или какая-нибудь родственница Перовскому; но потомъ, какъ и всегда, черезъ лакеевъ, все объяснилось. Особа эта была извѣстная аристократка, жена заслуженнаго генерала при дворѣ, баронесса Р—ъ.

Должно быть, женщина эта очень сильно любила В. А—ча, что покинула веселый Петербургъ, оставила своего дряхлаго подагрика-мужа и имѣла столько смѣлости, чтобы пріѣхать въ Оренбургъ.

Черезъ нѣсколько времени баронесса поселилась въ загородномъ домѣ губернатора, а Перовскій остался на своей квартирѣ и время отъ времени навѣщалъ ее. Годъ ихъ дружбы протекалъ быстро, какъ одинъ день. А на другой годъ у баронессы родился сынъ, котораго назвали Алексѣемъ. Радости ея не было конца. Но въ одно «очень печальное» время, когда ея не было дома, В. А. явился къ ней, взялъ ребенка и увезъ къ себѣ. Пріѣхала мать, нѣтъ сына. Начались расспросы: какъ? что? зачѣмъ?.. «Генералъ взялъ, а для чего—не знаемъ, отвѣчали лакеи» Баронесса старалась успокоить себя, что В. А. пошутилъ или просто захотѣлъ позабавиться ребенкомъ, побаюкать его. Но проходитъ день, два, три... Перовскій самъ не ѣдетъ и ребенка не присылаетъ къ ней. Дѣло плохо!.. Мать, какъ и всякая мать, убита горемъ: это былъ ея первенецъ. Собралась она и поѣхала къ В. А—чу.

— Гдѣ Алеша?—былъ первый вопросъ ея.

— У меня!—отвѣчалъ Перовскій.

— Зачѣмъ ты его взялъ?

— Потому что онъ мой! я буду его воспитывать...

— Ты? побойся Бога! на что онъ будетъ годець тогда!

— На что?! Я сдѣлаю его воиномъ. А у васъ.. Ни за что не отдамъ

¹⁾ Домъ этотъ, на Николаевской (большой) улицѣ, нынѣ принадлежитъ жупу Ладыгину.

моего сына, — въ заключеніе крикнулъ онъ, сильно подчеркивъ послѣднія слова.

Мать разрыдалась, просила, молила сжалиться надъ ней, отдать ей сына, но все было напрасно: Перовскій былъ непоколебимъ.

Дальше-больше. Произошла крупная размова.

— Я государю буду жаловаться, — сказала баронесса.

— Жалуйся... и ко мнѣ не приходи!..

В. А. вышелъ изъ кабинета и приказалъ лакею «проводить барыню».

Баронесса сдержала слово и въ тотъ же день, собравшись наскоро, полетѣла въ Петербургъ, гдѣ, имѣя свободный доступъ ко двору, явилась прямо къ императору и обо всемъ рассказала ему. Государь вспыхнулъ гнѣвомъ на своего любимца, и въ Оренбургъ тотчасъ же былъ посланъ курьеръ съ требованіемъ, чтобы Перовскій прибылъ въ Петербургъ.

Перовскій поморщился, получивъ такой строгій наказъ, но собрался и поѣхалъ въ столицу. И вотъ тамъ въ царской аудіенціи, при которой присутствовала и баронесса, какъ рассказываютъ старожилы, произошелъ приблизительно такой интересный разговоръ:

— Ты что надѣлалъ тамъ? — спросилъ государь, когда онъ входилъ къ нему въ кабинетъ.

— Ничего! — не сморгнувъ глазомъ, отвѣтилъ Перовскій.

— Гдѣ сынъ баронессы?

— У меня!

— Зачѣмъ ты его взялъ?

— Онъ — мой, государь, и я буду его воспитывать.

— Воспитывать? сумасшедшій! такого же изъ него сорванца сдѣлаешь какъ и ты самъ!.. Отдай матери!..

— Никогда!.. Пусть будетъ онъ сорванецъ, но я его воспитаю! Хотъ казни меня, а ребенка не отдамъ.

— Безшабашный! Гдѣ же тебѣ съ нимъ возиться? Отдай!..

— Сказалъ: не отдамъ. Лучше я зарублю его, пусть не достается ни мнѣ, ни ей.

— Я ничего не требую отъ него, ваше величество, — со слезами на глазахъ, начала мать. — Пусть онъ воспитываетъ сына, но только бы, какъ хочетъ мой мужъ, Алексѣй носилъ фамилію бароновъ Р—.

— Ни за что! Сынъ мой и фамилія моя... не уступлю, — отвѣчалъ Перовскій. — Я готовъ, что хотите сдѣлать, — говорилъ онъ. — Послѣднюю копейку буду употреблять на воспитаніе сына, но отдать его? Никому — никогда!

— Наконецъ, всемилостивѣйшій государь, — продолжала баронесса, — Онъ можетъ жениться. А та... мачиха, какая же она будетъ мать моему

сыну? Можетъ ли она заботиться и болѣть о немъ такъ, какъ я стану заботиться?—И бѣдная мать горько зарыдала.

Я никогда не женюсь!—угрюмо отвѣтилъ Перовскій, и его черствое сердце какъ бы размякло; глаза увлажнились слезой.

Такимъ образомъ, исполняя слово, В. А. на вѣки остался холостякомъ.

Тѣмъ дѣло уладилось. Баронессѣ предоставлено было право время отъ времени навѣщать своего сына, но не иначе, какъ въ Оренбургѣ, или гдѣ будетъ жить Перовскій; ребенокъ же, съ высочайшаго дозволенія, получилъ фамилію отца, но безъ правъ дворянства.

Впослѣдствіи опасенія баронессы (до которыхъ она не дожила и вскорѣ послѣ этого случая скончалась) оправдались. Сынъ Алексій, подъ руководствомъ своего батюшки, вышелъ такимъ же отчаяннымъ сорван-головой, какимъ былъ отецъ его.

Когда въ пятидесятыхъ годахъ В. А. вторично управлялъ Оренбургскимъ краемъ, онъ уже былъ взрослымъ юношей и учился гдѣ-то, но не доучился и за какую-то продѣлку былъ исключенъ и сосланъ рядовымъ на Кавказъ, гдѣ въ первой же стычкѣ съ горцами получилъ св. Георгія 4-й степени. И по этому случаю отецъ его задалъ паръ на весь Оренбургъ.

— Молодецъ! весь въ меня! Полюбуйтесь, какъ отличился,—восторженно говорилъ онъ о сынѣ окружающимъ, чуть не въ сотый разъ читая имъ приказъ объ его награжденіи.

Вскорѣ Алексій за отличие же былъ произведенъ въ офицеры, что еще больше порадовало старика-отца. Но потомъ, какъ-то разъ, напившись до чортиковъ, онъ зарубилъ шашкой денщика своего. Дѣло дошло до государя.

— Какъ поступить съ твоимъ сорванцомъ?—обратился тогда Николай Павловичъ къ Перовскому.

— Какъ съ солдатомъ!—отвѣтилъ В. А.

Алексія снова разжаловали въ рядовые и сослали къ отцу на «исправленіе». Но онъ и тамъ не исправился, несмотря на то, что отецъ обращался съ нимъ очень сурово, и Алексій на всю жизнь остался шалопаемъ, кутилой въ высшей степени и озорникомъ, какихъ мало. Рассказываютъ, что стоитъ онъ, бывало, у окна и зараженный пистолетъ въ рукахъ держитъ. Кто ни пройдетъ по улицѣ,—знакомый, незнакомый ли,—всѣхъ самываетъ къ себѣ.

— Эй, тамъ, такой-сякой (по имени или фамиліи, а тѣмъ болѣе по чину—никого не называлъ) иди сюда. Не пойдешь,—застрѣлю!

И шли всѣ, какъ невольники, по принужденію. А на столѣ у него закуска, водка и вина разныя стоятъ.

— Садись и пей, что хочешь! Мнѣ скучно!

— Не пью.

— Что? Не пьешь!? Пей, а то застрѣлю!—и подносить дуло пистолета къ носу.

Дѣлать было нечего, и въ силу необходимости пил. Не отпуская онь отъ себя ни одного посѣтителя, чтобы не напоить его въ лоскъ, а потомъ какую-нибудь штуку съ нимъ выкинуть.

Однажды былъ такой случай. Ѣдетъ онь на кровномъ англійскомъ скакунѣ (рублей 500 стоилъ) по Николаевской улицѣ (главная въ Оренбургѣ). Лошадь вдругъ чего-то испугалась и «заартачилась». Онь ей шпоры въ бокъ. Она назадъ пятается, вертитъ головой и ни съ мѣста. Соскочилъ съ сѣдла, выхватилъ свою острую кавказскую шапку, цапъ! и зарубилъ непослушное животное.

Всѣхъ его продѣлокъ и перечестъ невозможно. И все ему съ рукъ сходило даже послѣ того, когда отецъ уѣхалъ изъ Оренбурга. На него никакіе резоны не дѣйствовали. Напротивъ, когда его о чемъ-нибудь просили усмирено, онь еще хуже дѣлалъ. Хотя потомъ его женили на дѣвицѣ Р—вой, служившей до того классной дамой въ Николаевскомъ институтѣ, дѣвушкѣ умной и образованной, но онь былъ неисправимъ. По-прежнему пилъ и дебоширилъ. А какъ терзалъ и мучилъ жену, что она только перенесла отъ него—это одному Богу извѣстно. Въ концѣ концовъ онь окончилъ жизнь очень загадочно. Легъ съ вечера въ постель совершенно здоровымъ, а на утро его нашли уже похолодѣвшимъ.

Послѣ скандальнаго случая съ баронессой, Перовскій поторопился выѣхать изъ Петербурга, дабы не видѣть насмѣшливыхъ взглядовъ придворныхъ, успѣвшихъ уже узнать о цѣли его пріѣзда.

Въ Оренбургѣ также успѣла прослышать объ этомъ, и тамъ стоустая молва на разные лады объяснила его отсутствіе, положительнo утверждая, что онь больше сюда не вернется. Кто радовался, кто печалился, а Перовскій тѣмъ временемъ, суровый и угрюмый, приближался къ Оренбургу, но неизвѣстно, провѣдалъ ли онь объ этихъ сплетняхъ, или просто у него явилась дикая фантазія, только вдругъ, не доѣзжая до города 60 верстъ, въ станицѣ Татищевой, онь задумалъ остальную часть дороги проѣхать не въ каретѣ, а верхомъ.

Потребовавъ къ себѣ станичнаго атамана и предварительнo приказавъ ему послать въ Оренбургъ эстафету съ извѣстіемъ о его скоромъ прибытіи, онь велѣлъ отыскать ему самую лучшую «строевую лошадь».

Надо сказать однако, что въ это время была самая страдная рабочая пора—сѣнокосъ; всѣ жители Татищевской станицы были въ полѣ и вмѣстѣ съ лошадьми. Атаманъ станицы съ ногъ сбился, отыскивая Перовскому подходящаго коня. Гдѣ найти? Всѣ лошади въ станицѣ на

перечетъ, а плохого коня подвести корпусному командиру — Боже упаси, — запереть. Казаки это знали по опыту: не разъ собственноручная тяжеловѣсная нагайка Перовскаго свистала по ихъ спинамъ. Наконецъ, нашелся добрый человѣкъ, выручить атамана. То былъ семидесятилѣтній испытанный и прошедшій огонь и воду самарецъ, потомокъ прежняго лихаго Волжскаго войска ¹⁾.

— Не тужи, братъ, — сказалъ онъ атаману. — Вонъ бери ново сѣрка, сѣдлай, да вѣди!

— Что ты, дѣдушка, — всполохнулся атаманъ. — Нѣшто можно твою лошадь подъ Перовскаго подводить: ему надо большую, рослую, аргамака, а твоя — сморчокъ вѣдь.

— Веди, бабуть тебѣ, веди! Ужъ я знаю ёво. Моня сѣркомъ будетъ доволенъ.

Дѣлать нечего: пришлось и сѣрка-сморчка подвести корпусному командиру.

— Что ты? Кого привелъ? Мышь? Смияться надо мной что ли вздумалъ? — кричалъ Перовскій.

Атаманъ станицы былъ не изъ трусливаго десятка.

— Никакъ вѣтъ, ваше пр — во! — храбро отвѣтилъ онъ. — Это самая «первѣйшая» лошадь у насъ въ станицѣ.

Перовскій пересталъ браниться, снова пристально посмотрѣлъ на коня, обошелъ его со всѣхъ сторонъ.

— А гдѣ хозяинъ?

— Я здѣсь, в. пр — во! — выскочилъ впередъ самарецъ.

В. А. грозно посмотрѣлъ на него.

— Твоя лошадь?

— Такъ точно!

— Хороша? Ручаешься за нее?

— Какъ за себя, в. пр — во.

— Выдержитъ до первой станицы?

— Хоть до города.

— Ну, смотри, — сверкнулъ В. А. глазами, — окажется плохо, не посмотрю на твои сѣдны...

— Будьте спокойны, в. пр — во.

Переодѣвшись въ статское платье, чтобы его не узнали, и приказавъ казаку, вѣстѣ съ его каретой, прѣхать за лошадью въ Оренбургъ, онъ вскочилъ на коня и поначался по дорогѣ къ городу.

Проскакалъ онъ на конѣ первую станицу, — 20 верстъ до Рычковскаго лутора, на лошади ни потянулъ; проѣхалъ еще станицу (22 вер.)

¹⁾ Какъ вѣдомо, для услевія Оренбургской линіи сюда не разъ высылались на поселеніе казаки изъ гг. Самары, Уфы, Красноуфимска, Алексѣевска и друг.

до крѣпости Чернорѣченской—маленькая лошадка по-прежнему бѣжитъ бодро. Надумалъ В. А. разомъ сдѣлать и послѣднюю станцію 18 верстъ. Плохенькая лошадедка okazaзась лучше большаго коня. И уже вечеромъ того же дня, не замѣтно миновавъ караулъ и выѣсто Чернорѣченскихъ воротъ въѣхавъ въ ворота только еще строившихся Николаевскихъ казармъ, онъ явился на свою квартиру, строго-на-строго приказавъ прислугѣ никому не говорить о его приѣздѣ. Лошадь же передалъ конюху и велѣлъ беречь ее пуще праваго глаза.

Межъ тѣмъ въ Оренбургѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ его приѣзда день, ждутъ другой—все нѣтъ Перовскаго. Начальство теряется въ догадкахъ о причинахъ подобнаго замедленія, вѣдь 60 верстъ не Богъ знаетъ какое разстояніе, проѣхать самый большій срокъ 6—7 часовъ. «Ужъ не случилось ли что-нибудь съ нимъ? Не захватили бы кони гріхонъ киргизы? Вотъ гдѣ бѣда-то будетъ!»

На всѣхъ дорогахъ были разставлены махальные. Всѣхъ проѣзжихъ и прохожихъ у крѣпостныхъ воротъ таинственно допрашивали—не видали ли Перовскаго. Само начальство день и ночь дежурило въ парадной формѣ. Наконецъ, на третій день подъ вечеръ вдаль по Чернорѣченской дорогѣ показавъся его карета, почему-то медленно подвигавшаяся къ городу. Махальные полетѣли съ извѣщеніями, караулы засуетились, мѣстныя власти стремглавъ понеслись за городъ встрѣчать его. Но каково же было удивленіе ихъ, когда, вмѣсто ожидаемаго Перовскаго, тамъ сидѣлъ его лакей.

— А гдѣ же корпусный командиръ?

— Да онъ ужъ три дня, какъ въ городѣ.

У начальствующихъ разомъ вытянулись лица; но разговаривать было некогда. Всѣ повернули назадъ и поскакали на его квартиру, гдѣ Перовскій спокойно изъ своего кабинета (на балконѣ) смотрѣлъ въ зрительную трубу на бѣшеную суету своихъ подчиненныхъ и отъ души хохоталъ, что такъ ловко сумѣлъ обмануть ихъ.

Когда власти явились, онъ вышелъ къ нимъ улыбающійся; но едва только успѣлъ поздороваться съ ними, какъ адъютантъ доложилъ, что какой-то казакъ изъ Татищевой станицы приѣхалъ по личному приказанію его превосходительства.

— Ну-съ, извините, господа!—сказалъ гостямъ Перовскій.—Дольше бесѣдовать съ вами не могу.—Повернулся и ушелъ въ кабинетъ.

Немного погодя, туда ввели и казака. В. А. лежалъ въ это время на диванѣ и курилъ трубку съ длиннымъ чубукомъ. Около него на столѣ было уложено стопочками нѣсколько червонцовъ.

— Здорово, старина,—ласково встрѣтилъ онъ вошедшаго.

— Здравія желаю, в. пр.—во!—вытанулъ казакъ.

— Спасибо тебѣ за лошадь; только извини, братъ, я ее заморилъ, совсѣмъ загналъ.

— Что-жъ, в. пр—во, на то воля Божія,—поклонился старикъ.

— Сколько она тебѣ стоитъ?

— И-и, в. пр—во,—какія ужъ тутъ деньги, если лошадь пала. Сколько соблаговолятъ ваша милость.

— Ну, не вра, а толкомъ говори! Не даромъ же она тебѣ досталась.

— Знаю, такъ,—сказалъ старикъ,—смекнувъ, что тутъ можно пользоваться.

— Лошадь-то эта не моя, ваше пр—во, а сыновинья... Новѣ сыну моему въ страдѣ ¹⁾ втѣть, такъ я ее у сибирскаго барышника за шесть красныхъ ассигнаціями купилъ.

— Ну, вотъ, давно бы такъ! Возьми на столѣ!

Казакъ подошелъ къ столу, глаза его разгорѣлись—все золотые, да все новенькіе; быстро подставилъ онъ шавку и давай сгребать.

— Стой, стой, дуракъ!—вскочилъ В. А.—Что ты какъ гребешь... Пересчитай! деньги счетъ любить, а то послѣ скажешь, что Перовскій тебя обсчиталъ.

У казака затряслись и руки, и ноги. Самъ не помнитъ, какъ онъ сосчиталъ деньги и насчиталъ больше того, что ему слѣдовало.

— Вѣрно, что ли?

— Такъ точно, в. пр—во.

— Ну, иди съ Богомъ. Не поминай меня лихомъ. Да не забудь на конюшнѣ сѣдло свое захватить.

Старикъ ни живъ, ни мертвъ вышелъ изъ кабинета.—«Вотъ гдѣ,—думаетъ онъ,—счастье привалило». Въ полученныхъ имъ отъ Перовскаго деньгахъ было не «шесть красныхъ на ассигнаціи», а ровно 600 руб. серебромъ.

Зайдя на конюшню, онъ все таже «полюбопытствовалъ» узнать, что же такое «приключилось съ его сѣдломъ».

— Жива, здоровехонька,—указалъ ему конюхъ;—вонъ, смотря подъ ковровой попоной стоитъ; чать, ей такого житія и во снѣ не снилось.

— Ну, дай Богъ ей,—перекрестился старикъ,—а мнѣ перепала «малая толпка»,—будетъ чѣмъ теперь за сына заемщика нанять и свое хозяйствяшко справить.

И, вваливъ на спину сѣдло, тихонько побрелъ домой...

П. ЮДИНЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Такъ въ простонародьи назывались командировки въ степь на поискъ за киргизами и въ помощь султанамъ-правителямъ.